

...И у Дягилева не было костюмов

Сценарий - Санкт-Петербург - 1993 - 15 дней

Парадокс. В Париже есть площадь имени Сергея Дягилева. В Париже есть памятник ему. Во Франции живет славная память о нем. У нас же ничего этого почти нет.

Но все меняется. Петербургский фестиваль «Дягилевские сезоны» становится традиционным и международным. А Париж в этом году дарит Петербургу маленький подарок: уникальную выставку документального фото «Дягилев парижского периода» («Золотой период дягилевских балетов»). В фойе Санкт-Петербургской академической капеллы имени Глинки она работает всего 10 дней и 17 января возвращается в Париж.

Автор выставки — историк искусств Жан Бернар Каур д'Аспри.

— Я давно интересуюсь искусством, особенно балетом. Я знаком со сводным братом знаменитого критика Алена Фурнье, который очень интересовался русским балетом и написал не одну статью о значении творчества Дягилева.

Я всю жизнь жил Дягилевым и вот уже 10 лет, как занимаюсь созданием и организацией выставок об искусстве в Париже. Наконец настал черед Дягилева. Над созданием этой выставки я работал три месяца. В архивах, в библиотеках перечитал очень много материалов о «Русских сезонах», пересмотрел все существующие передачи о Дягилеве. И, кажется, прожил эти три месяца вместе с Дягилевым. Представленное на выставке — лишь десятая часть того, что мною было отобра-

но. — Вот уже неделю вы — участник «Дягилевских сезонов в Петербурге». Оправдывают ли они ваши ожидания?

— Фестиваль Дягилева в России — одна из удач. У русских есть пословица — лиха беда начало. Она как раз отражает то, что начали Вадим Нечаев, Зоя Дмитриева, я и другие. То, что начинается с большим трудом, но все-таки начинается, зачастую в будущем набирает обороты.

— Атмосфера «Русских сезонов» в Париже, в которую

вам удалось погрузиться, готовя выставку, и атмосфера «Дягилевских сезонов» здесь — в этом есть что-то общее?

— Как вы знаете, в жизни и творчестве Дягилева было несколько периодов. И единой атмосферы «Русских сезонов» не существует. Первый период характеризовался большими деньгами, благодаря которым Дягилев мог себе позволить ставить спектакли с размахом. Это была одна атмосфера. Совсем другой она стала, когда началась война. Дягилеву и его труппе приходилось очень много ездить. Деньги были, но не такие уж большие. Третий период — это совсем маленькие деньги. Но, несмотря на это, Дягилев шел на эксперименты. Как мы. Атмосфера «сезонов» в Петербурге напоминает мне атмосферу последнего периода.

Мы привыкли говорить о достижениях Дягилева, об удачах. Но ведь он, как и мы, каждодневно сталкивался с проблемами — то не было денег, то не было костюмов. По мере того, как идет фестиваль, как пишет о нем пресса, я ви-

жу, что он набирает силу.

— Соучредитель «Дягилевских сезонов», парижанка Марина Недрובה как-то сказала, что имя Дягилева способно открыть любую дверь в Париже, во Франции, но не в России. Складывается ли у вас такое впечатление?

— Может, это и было так. Но фестиваль, который я вижу своими глазами, настолько разбудил интерес публики и профессионалов, что имя Дягилева снова звучит в России и становится популярным.

— В какой роли вы видите себя в предстоящих «Дягилевских сезонах» в Париже?

— Все будет зависеть от Вадима Нечаева и Марины Недрובה, которые готовят эти сезоны у нас. Первое предложение, которое я вношу уже сегодня, — заняться пропагандой деятельности Бориса Кокно. А также я беру на себя организацию выставок, касающихся творчества Дягилева на Елисейских полях и в одном из парижских театров.

Лариса ЗАХАРОВА